ГОДЪ XXV-й. № 50-й. ДЕКАБРЯ 10-го 1884 г.

ЯРОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Бывшій настоятель Павло-Обнорскаго монастыря, о. Іоасафъ, въ схимничествѣ Серафимъ.

20-го ноября, сего 1884 года, скончался бывшій настоятель Павло-Обнорскаго монастыря о. игуменъ Іоасафъ, въ схимничествѣ Серафимъ.

Имя о. Іоасафа, болѣе шестидесяти лѣтъ подвизавшагося иноческой жизнію, столь популярно въ сѣверныхъ предѣлахъ нашей Ярославской епархіи, что сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о его подвижнической и поучительной жизни будетъ не только не лишнимъ, но и принесетъ утѣшеніе почитавшимъ старца и послужитъ назиданіемъ для всѣхъ, кто расположенъ слышать образцы высокой духовной жизни.

О. Іоасафъ, въ мірѣ Іоаннъ, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ началѣ настоящаго столѣтія, отъ родителей благочестивыхъ. Отецъ его велъ торговыя дѣла въ Нижнемъ, а мать отличалась строгимъ христіанскимъ благочестіемъ и воспитывала своего сына въ страхѣ и наказаніи Господнемъ, по словамъ самаго о. Іоасафа. Такое воспитаніе расположило его съ раннихъ лѣтъ отказаться отъ прелестей міра и послужить Господу ради спасенія души. Въ то время славился уже своею аскетически-опытною жизнію Саровскій подвижникъ о. Серафимъ. Къ нему-то, какъ опытному и обратился за совѣтомъ и благословеніемъ отрокъ Іоаннъ, и съ его разрѣшенія, а также и родительскаго, вступилъ въ число послушниковъ въ Саровскую общежительную пустынь, бывшую тогда въ вѣдѣніи Нижегородскаго епархіальнаго начальства. Проходя здѣсь разныя монастырскія послушанія, какъ-то: пономаря, голосовщика и кононарха, съ особеннымъ раченіемъ, юный послушникъ отличенъ былъ отъ другихъ дозволеніемъ носить рясу и сталъ называться о. Іоанномъ. Подвижническая и святая жизнь о. Серафима поражала о. Іоанна; онъ болѣе и болѣе привязывался душой своей къ старцу. Часто ходилъ онъ искать разрѣшенія недоумѣній трудной въ юныхъ лѣтахъ монашеской жизни, и своимъ смиреніемъ расположилъ къ себѣ старца, заслуживъ у него названіе „возлюбленнѣйшаго Іоанна". Съ особеннымъ чувствомъ любилъ о. Іоасафъ повторять это наименованіе, считая сіе самымъ высокимъ отличіемъ. Такъ разсказывалъ о. Іоасафъ объ одномъ изъ своихъ посѣщеній старца, который встрѣтилъ его такими словами: „Ахъ, возлюбленнѣйшій о. Іоаннъ! Если бы ты зналъ и видѣлъ, какое блаженство, какая радость ожидаетъ душу праведнаго по смерти; то, еслибы сія келья вся наполнена была червями, и эти черви точили бы непрестанно плоть нашу: то и тогда съ радостію должно согласиться на все, лишьбы не лишиться того блаженства". Время же шло. О. Серафимъ оканчивалъ свою подвижническую жизнь; постоянно слабѣя, при-

ближался къ своей блаженной кончинѣ. О. Іоаннъ продолжалъ съ ревностію служить и кононаршить въ Саровской обители; о. Серафимъ, любя его, училъ какъ проводить свято-иноческую жизнь, дабы не быть осуждену за тѣ обѣты, которые добровольно даетъ инокъ при вступленіи въ обитель. За это время о. Іоаннъ столько обогатился наставленіями старца, что самъ становился опытнымъ инокомъ, хотя обѣтовъ иночества еще не давалъ, продолжая носить только рясофоръ. Наступилъ 1833 годъ, 2-е января,—день блаженной кончины старца Серафима, когда онъ колѣнопреклоненный скончался предъ иконой Божіей Матери. Объ этомъ днѣ такъ разсказывалъ о. Іоасафъ: „Прихожу я по обыкновенію къ ранней литургіи, и замѣтивъ старца сидящимъ на правомъ клиросѣ, подошелъ къ нему и упавъ въ ноги, просилъ благословить меня. О. Серафимъ всталъ и обнявъ голову мою руками облобызалъ меня преподобными устами своими и сказалъ: ну, возлюбленнѣйшій мой ō. Іоаннъ, прости! Мы болѣе съ тобой не увидимся здѣсь. Помни наставленія убогаго Серафима и не оставляй сиротъ. Много тебѣ будетъ скорбей, но ты претерпи всѣ Господа ради. Матерь Божія не оставитъ тебя“. И помолчавъ немного, продолжалъ: „и я, убогій Серафимъ, буду молить за васъ Господа и пречистую Его Матерь“. Сіе повторивъ три раза сказалъ: „Прости“! Поклонившись мнѣ до земли велѣлъ идти на послушаніе“. Послѣ смерти о. Серафима, опечалившей о. Іоанна настолько, по его собственнымъ словамъ, что онъ долгое время ходилъ какъ бы въ забытьи: столь велика была для него утрата опытнаго наставника и руководителя,—о. Іоаннъ продолжалъ находиться въ Саровской пустыни. Въ скоромъ времени онъ постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Іоасафа и удостоенъ былъ посвященія сначала во іеродіакона, а потомъ въ іеромонаха. Памятуя наставленіе о. Серафима, о. Іоасафъ неусыпно заботился о Дивѣевскихъ сиротахъ, собранныхъ о. Серафимомъ и оставленныхъ имъ на попеченіе его. Великихъ трудовъ стоило о. Іоасафу устроить и водворить ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется женская Дивѣевская обитель со множествомъ иночествующихъ. Когда нужно было купить и укрѣпить землю для обители, денегъ не было, разсказывалъ о. Іоасафъ. Я принесъ печальнымъ сестрамъ единственный, имѣвшійся у меня, серебряный пятачокъ и сказалъ: вотъ и мой вкладъ. Будемте молить Господа, чтобъ Онъ послалъ намъ средства. Средства тѣ дѣйствительно посланы были въ такой мѣрѣ, что мы безъ долга пріобрѣли и укрѣпили землю. Это было такое торжество для сиротъ Дивѣевскихъ, что онѣ среди лѣта пѣли пасху, какъ предсказывалъ имъ о томъ о. Серафимъ: „У васъ будетъ такая радость, что вы среди лѣта запоете пасху“, говорилъ онъ задолго предъ симъ. Въ этомъ Богоугодномъ дѣлѣ и начались для о. Іоасафа тѣ скорби, о которыхъ предрекалъ ему о. Серафимъ. Въ концѣ дѣло поставилось такъ, что о. Іоасафъ принужденъ былъ удалиться изъ Сарова и былъ опредѣленъ въ первоклассный Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ имѣли пребываніе Нижегородскіе Владыки. Великой скорби стоило для о. Іоасафа удаленіе отъ гроба о. Серафима, изъ обители, въ которой положилъ онъ начало иноческой жизни, постригъ власы главы своей и произнесъ обѣтъ иночества. Помня наставленіе старца „претерпи всѣ скорби Господа ради“, о. Іоасафъ со смиреніемъ и покорностію служилъ и на новомъ мѣстѣ, снискалъ здѣсь расположеніе къ себѣ архипастыря, бывъ его духовникомъ. Не смотря на гнусные толки, распускаемые о немъ недоброжелателями и клеветниками, о. Іоасафъ высоко стоялъ въ общественномъ мнѣніи. Къ нему, какъ возлюбленному старцемъ о. Серафимомъ, перешла вся любовь, все довѣріе всѣхъ почитателей подвижника Саровскаго; множество посѣтителей имѣлъ онъ всякій день. Однажды, какъ сказывали, посѣтили его даже Великіе Князья, которые долго бесѣдовали съ нимъ въ его кельи, на что о. Іоасафъ предварительно испросилъ благословеніе владыки. Помнится, говорилъ о. Іоасафъ, что изъ Печерскаго монастыря онъ назначенъ былъ строителемъ въ одинъ изъ монастырей и кажется въ тотъ, въ которомъ привелось доживать ему дни свои схимникомъ, (это Красно-

городскій монастырь, близъ города Арзамаса); но побывъ здѣсь недолго, о. Іоасафъ отказался отъ настоятельства и возвратился въ Нижній Новгородъ на прежнее мѣсто. Здѣсь продолжалъ жить о. Іоасафъ, восходя отъ силы въ силу въ духовной жизни и не переставая имѣть сношенія и словомъ и письменно со всѣми, кто желалъ пользоваться его духовными совѣтами и наставленіями. Но и врагъ спасенія людей, врагъ добра и истины, діаволъ не дремалъ, какъ говорилъ о. Іоасафъ, продолжая разсѣевать клеветы и зло какъ на него, такъ и на о. Серафима. Въ одно время, сказывалъ о. Іоасафъ, дѣло поставлено было такъ, что нельзя было не только показаться въ Саровѣ, но и помянуть здѣсь старца. Было ли дѣйствіемъ злобы въ отношеніи о. Іоасафа или участь къ нему и состраданіе близкихъ высокостоящихъ лицъ, только въ началѣ 1860-хъ годовъ вдругъ по распоряженію Святѣйшаго Синода о. Іоасафъ назначается и переводится въ санѣ игумена въ настоятеля въ Павло-Обнорскій монастырь Вологодской губерніи, Грязовецкаго уѣзда. Монастырь этотъ въ то время представлялъ изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ бѣдную обитель. Братіи было мало, церкви были убогія, ограда деревянная, полуразвалившаяся, богомольцевъ было мало. Съ прибытіемъ о. Іоасафа весь край обращается сюда; всѣ классы людей, простой, средній и высокообразованный, являются въ обитель ищущими бесѣды съ нимъ. О. игуменъ одновременно взялся за устроеніе обители во внутренней ея жизни и внѣшней обстановкѣ: водворилъ порядокъ въ Богослуженіи, взявъ образецъ для сего съ лучшихъ монастырей. Вечернее Богослуженіе начиналось у него обыкновенно часовъ около пяти и продолжалось до седьмаго часа; по окончаніи вечерни и повечерія кромѣ сего вычитывалось положенное для иноковъ правило. Къ утрени начинался благовѣстъ часа въ три; оканчивалась она часу въ седьмомъ. Всегдашній часъ для литургіи былъ девятый. Въ зимнее время о. Іоасафъ неопустительно присутствовалъ при богослуженіи самъ, а въ воскресные и праздничные дни совершалъ литургію соборнѣ. Братія обязана была являться къ Богослуженію въ мантіяхъ, что придавало серьезный видъ монастырскимъ службамъ. Пѣніе введено было стройное, чтеніе неторопливое, такъ что и привыкшіе къ продолжительной службѣ мірскіе богомольцы выстаивали отъ начала до конца безъ особеннаго утомленія. Употребленіе вина о. игуменъ преслѣдовалъ строго. Самъ велъ совершенно трезвенную жизнь и братію побуждалъ къ тому-же. Обыкновенно въ праздники старшая братія приходили къ настоятелю по окончаніи обѣдни и имѣли утѣшеніе просить водочки; о. игуменъ отмѣнилъ сіе, сначала замѣнивъ малой рюмочкой церковнаго винца, а потомъ свелъ и на одинъ чаекъ. За трапезу о. Іоасафъ всегда приходилъ въ рясѣ и клобукѣ, занималъ свое игуменское мѣсто и трапезовалъ вмѣстѣ. И что это было за благочиніе чисто иноческое: ни одного слова; лица серьезныя, полныя вниманія къ раздававшемуся чтенію; нѣсколько ударовъ въ колокольчикъ при перемѣнѣ блюдъ; производилъ самъ игуменъ; и за всѣмъ стройное пѣніе молитвъ какъ предъ началомъ, такъ и предъ концомъ трапезы,—вотъ то благочиніе, которое введено было о. Іоасафомъ и на которое съ благоговѣніемъ смотрѣли мірскіе посѣтители. Случалось бывать за такими трапезами вмѣстѣ съ батюшкой, и невольно упрекаешь себя и другихъ, какъ мы мірскіе привыкли вкушать дары Божіи безъ всякаго благочинія, при большомъ многословіи. Съ посѣщающими о. Іоасафъ обращался съ большимъ вниманіемъ, ласкою и со смиреніемъ. Духовныхъ, особенно священниковъ, иначе не называлъ, какъ „отецъ мой"; принималъ ихъ и всѣхъ почетныхъ гостей у себя въ игуменскихъ келліяхъ. Оставаясь наединѣ съ тѣми изъ нихъ, къ которымъ питалъ расположеніе, нерѣдко прислуживалъ имъ, и такимъ смиреніемъ приводилъ въ совершенное умиленіе. Бывало, жаль разстаться съ обителью Павла преподобнаго послѣ того, чѣмъ напитаетъ душу твою въ короткое время благочестивый и поучительный для всѣхъ батюшка. Какихъ трогательныхъ явленій не бывало въ келліи игуменской: здѣсь хромающіе, по выраженію о. Іоасафа, супруги давали другъ другу обѣты вѣрно-

сти и чистоты супружеской; здѣсь враги прощали другъ друга, обнимались и цѣловались на глазахъ старца и уѣзжали истинными друзьями. Здѣсь бѣдные и нуждающіеся утѣшались и укрѣплялись надеждою и упованіемъ на помощь Божію и отходили бодрыми и веселыми. Словомъ, келлія батюшки была истиннымъ училищемъ, гдѣ всѣ поучались различнымъ христіанскимъ добродѣтелямъ однимъ примѣромъ и вседѣйствующимъ благодатнымъ словомъ о. игумена. Но болѣе всѣхъ и всего о. Іоасафъ слѣдилъ за самимъ собой, училъ себя самого словомъ Божіимъ, и всевозможными телѣсными трудами изнурялъ и томилъ тѣло свое. Надобно было видѣть, какую подвижническую жизнь проводилъ батюшка. Спалъ онъ часа три-четыре въ сутки. Весь день былъ на ногахъ. То вы видите его носящимъ мусоръ, то копающимъ землю, то въ огородахъ и въ саду. Это былъ такой всезнающій работникъ, что дивишься бывало его всесторонней опытности. А какой знатокъ былъ священнаго Писанія и отеческихъ твореній! Со всякимъ находилъ что поговорить, и своимъ глубокимъ знаніемъ и многостороннимъ удивлялъ высокообразованныхъ людей. Обитель Павла преподобнаго своимъ настоящимъ благолѣпіемъ обязана начисто о. Іоасафу. „Вотъ, отецъ мой, говорилъ батюшка, вы видѣли, какія блага посылаетъ мнѣ Господь молитвами батюшки о. Серафима. Обитель сія принята была мной вполнѣ убогой и капитала было всего двадцать двѣ копѣйки; а нынѣ по милости Божіей все съ избыткомъ имѣемъ. Такъ, о чемъ же намъ и унывать? Стоитъ только уповать на Бога, и все будетъ намъ.“ И дѣйствительно, въ какіе либо десять лѣтъ столько было сдѣлано здѣсь крупныхъ построекъ, напр. храмовъ, келлій и корпусовъ, а также каменной высокой стѣны кругомъ монастыря, что по соображеніи всего сумма всѣхъ издержекъ на устроеніе монастыря равняется не менѣе какъ 200.000 рублей серебромъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще то, что собственная труженическая рука старца созидала обитель. Отселѣ, изъ обители Павла преподобнаго, о. Іоасафъ, согласно заповѣди старца Серафима, не переставалъ отечески заботиться о сиротахъ, только уже не Дивѣевскихъ, а Понитаевскихъ (новая женская обитель верстахъ въ 40 отъ Дивѣева). Достойно удивленія, что непріязнь, возгорѣвшаяся противу о. Іоасафа въ Саровѣ, перешла и къ Дивѣевскимъ сестрамъ, которыя въ свое время многимъ были обязаны ему, и онѣ раздѣлились на двѣ партіи, однѣ за о. Іоасафа, другія противъ, шли раздоры и несогласія. Тѣ, которыя были сторонницами старцевъ, принуждены были наконецъ выйти изъ обители и долго оставались безъ пріюта, доколѣ нашлась одна благотворительница, пожертвовавшая усадьбу Понитаевку съ землей, гдѣ и водворились изгнанницы. О. Іоасафъ неусыпно заботился объ этихъ сестрахъ до смерти своей. И изъ за этого добраго дѣла пришлось о. Іоасафу претерпѣть много клеветы и лжи, взводимой на него. Но для него выше и сильнѣе всѣхъ сужденій по сему дѣлу было доказательство Богоугодности сего, явленное о. Іоасафу старцемъ Серафимомъ еще въ бытность въ Саровѣ. Разъ, сказывалъ батюшка, прихожу я унылымъ къ старцу, наслушавшись разныхъ толковъ о нашихъ отношеніяхъ къ сиротамъ; старецъ вышелъ изъ кельи и я послѣдовалъ за нимъ по направленію къ лѣсу. «Ну, скажи же мнѣ, возлюбленнѣйшій Іоаннъ, нѣтъ-ли указанія на дѣло подобное нашему, въ святоотеческихъ писаніяхъ и отцахъ церкви“? Я, говорилъ батюшка, припомнилъ по возможности и сдѣлалъ указаніе на великихъ іерерховъ, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, которые имѣли попеченіе о сиротахъ; а также на святителей Димитрія Ростовскаго, Антонія Воронежскаго и Тихона Задонскаго. Тогда старецъ просіялъ лицомъ и сказалъ: „вотъ, радость моя, такъ чего же мы смущались, когда столько примѣровъ; но чтобы ты не думалъ болѣе и не смущался, вотъ я, убогій Серафимъ, и ты преклонимъ колѣна; если наше дѣло удодно Господу, то вотъ это дерево (громадной величины дерево, у котораго мы стояли), и преклонится само собой. И только старецъ сказалъ, какъ съ сильнымъ трескомъ огромное дерево и съ корнями вырвалось изъ земли и упало подлѣ насъ. Видишь ли, возлюбленный;

такъ болѣе и не будемъ говорить о томъ и слушать людей.» Посему-то и о. Іоасафъ, не смотря на толки и клеветы, неусыпно и постоянно заботился о тѣхъ, кто ввѣренъ былъ его попеченію святымъ старцемъ. Можно представить, сколько слезъ сироты тѣ прольютъ надъ труженическими останками старца о. Іоасафа. Изъ обители Павло-Обнорской о. Іоасафъ дѣлалъ посѣщенія въ окрестныя усадьбы къ помѣщикамъ, навѣщалъ нѣкоторыхъ изъ священниковъ, а также бывалъ въ городахъ и деревняхъ у христолюбцевъ. Вездѣ, гдѣ появлялся о. игуменъ, тамъ дѣлался настоящій праздникъ, всѣ сходились въ домъ этотъ и слушали душеспасительную бесѣду о. Іоасафа, а иногда и пѣли священныя пѣсни. Такъ старецъ Божій всюду сѣялъ сѣмена благочестія. Свои монастырскіе праздники о. Іоасафъ отправлялъ сколько торжественно, столько же и духовно и назидательно. Служилъ обыкновенно въ такіе дни большимъ соборомъ, приглашая для сего кромѣ монашествующихъ и сосѣднихъ священниковъ. За литургіей въ такіе дни просилъ одного изъ священниковъ произнести поученіе имъ самимъ выбранное. Случилось быть на одномъ изъ такихъ торжествъ, на освященіи свято-Троицкаго соборнаго храма обители, когда батюшка служилъ самъ двадцать первой. Что это было за торжество, что за праздникъ духовный! Въ три часа по обычаю отслужена была малая вечерня съ молебномъ; послѣ прочитано для всѣхъ служащихъ положенное правило. За тѣмъ разошлись во своя до девятаго часа, чтобы приготовиться къ молитвенному подвигу на всенощной. Въ девять часовъ началась служба и продолжалась до часа за полночь. На другой день батюшка изволилъ выходить къ освященію и литургіи со славою, предварительно исповѣдавшись у духовника своего. Продолжительно было это торжество, такъ-какъ кончилось во второмъ часу; но мы вынесли все безъ особаго утомленія; и послѣ всѣ утѣшены были трапезой, растворенной любовію старца. Посѣщали о. игумена и архипастыри Вологодскіе. Особенное расположеніе къ батюшкѣ питалъ Преосвященнѣйшій Е. П—лъ. Сказываютъ, что Преосвященному сему, когда онъ былъ мальчикомъ, о. Серафимъ Саровскій благословляя сказалъ въ присутствіи о. Іоасафа: „Учись, учись, будешь архіерей“. Они встрѣтились какъ знакомые и рады были видѣть другъ друга. Сказывали, что сей владыка намѣренъ былъ представить о. Іоасафа во архимандрита; но онъ рѣшительно отклонилъ отъ себя такую честь по смиренію своему. Въ келліяхъ о. игумена находился неотлучно черепъ головы человѣческой, искусно сдѣланный однимъ знакомымъ батюшкѣ мастеромъ и подаренный ему. Проходя, бывало, мимо его и останавливаясь онъ говорилъ сопровождавшимъ его: „Вотъ красота наша!“ Съ посѣтителями любилъ онъ бесѣдовать преимущественно о томъ, что служило на пользу души, давалъ впрочемъ мнѣнія и совѣты и на вопросы о дѣлахъ мірскихъ, когда были таковыя серьезны. Если-же примѣчалъ въ комъ желаніе празднословить, то притворялся не слышащимъ; даже и скажетъ иногда: „не слышу, отецъ мой“. Въ жизни своей о. Іоасафъ имѣлъ и утѣшенія, какихъ немногіе удостоивались изъ среды монашествующихъ. Такъ за достовѣрное передавали, что онъ, бывая въ Петербургѣ по дѣламъ, одинъ разъ имѣлъ честь представиться въ Бозѣ почившей Государынѣ Императрицѣ по Ея желанію. Благословивъ Государыню, о. Іоасафъ сказалъ: „Да благословитъ тебя Господь отъ Сіона, благочестивѣйшая мать земли Русской“. А когда были подведены подъ благословеніе дѣти, сказалъ: „да будутъ благословенны Господомъ августѣйшіе дѣти твои“. Выходя отъ Государыни, батюшка встрѣченъ былъ фрейлинами Императрицы и благословляя ихъ сказалъ: „вотъ вы удостоены великой чести служить царицѣ земной; храните себя, чтобы удостоиться служить и Царицѣ небесной“. Имѣлъ батюшка и дары благодатные и утѣшенія свыше, веселившія духъ его; но мало открывалъ таковыхъ по смиренію своему и то развѣ самымъ близкимъ. Со временемъ, можетъ быть, напишутъ и о нихъ. Внѣшній человѣкъ о. игумена былъ благообразный. Ликъ его былъ добрый; въ голубыхъ очахъ свѣтился умъ, лю-

бовь и благочестіе; кроткая улыбка оттѣняла добродушное лицо его. Брада до персей придавала внушительную красоту старцу—подвижнику. Какъ сейчасъ наяву видимъ батюшку, зимой въ скромной шубкѣ, подвязаннаго по воротнику бѣлымъ платочкомъ, неустанно трудящагося на дворѣ монастырскомъ; а лѣтомъ въ бѣломъ балахончикѣ и убогой камилавочкѣ, торопливо хлопотавшаго по разнымъ частямъ хозяйства иноческаго. И чего только не зналъ батюшка: хозяйство и садоводство и даже художества. При немъ по всему двору монастырскому разсажена была малина; ею и угощалъ онъ посѣтителей. Вотъ здѣсь хорошо, отецъ мой, говаривалъ батюшка, подводя къ кустамъ, осыпаннымъ крупными ягодами. И художникъ онъ былъ хорошій, любилъ живопись, зналъ въ ней толкъ, и самъ писалъ картины такой работы, какъ будто учился въ академіи. Въ особенности любилъ изображать событія изъ жизни о. Серафима Саровскаго; этими изображеніями и дарилъ приходящихъ. Словомъ, въ лицѣ о. игумена отобразился прекрасный и внутренній и внѣшній человѣкъ, украшеніе иноковъ, жизнь котораго была истинно свѣтомъ для людей. Всѣ думали, что этотъ свѣтильникъ Божій и догоритъ мирно въ обители Павла преподобнаго. И самъ о. Іоасафъ кажется имѣлъ это въ мысли, когда устроялъ здѣсь скитскій храмъ внѣ монастыря. Здѣсь и думалъ онъ, сложивъ съ себя настоятельство, провести остатокъ жизни, въ усиленныхъ молитвѣ и воздержаніи. Но не безъ воли Божіей обстоятельства жизни о. Іоасафа сложились неблагопріятною для него, противъ ожиданій всѣхъ. О. игуменъ дѣйствительно сложилъ начальство, не не добровольно, а по принужденію. Объ этомъ тяжеломъ для старца искушеніи пусть скажутъ другіе въ свое время. Болѣзнь приключившаяся о. игумену расположила его просить себѣ постриженія въ великій Ангельскій образъ, или схиму. Сіе было разрѣшено ему, совершено было постриженіе, при которомъ принялъ онъ дорогое имя наставника старца Серафима Саровскаго. Подъ именемъ Серафима схимника и жилъ онъ нѣкоторое время въ монастырѣ Павловомъ, въ особой кельѣ, въ великой скорби и утѣсненіи. Начальствомъ разрѣшено было схи-игумену Серафиму перейти на жительство въ монастырь Вышегорскій близь г. Арзамаса, гдѣ и кончилъ жизнь старецъ Божій, имѣя отъ роду болѣе 80-ти лѣтъ. Передаютъ, что за послѣднее время въ кельи старца стоялъ приготовленный для него гробъ. Сіе сдѣлалъ старецъ въ подражаніе наставнику своему, о. Серафиму Саровскому, у котораго былъ гробъ въ кельи, и онъ по временамъ зажигалъ у гроба восковыя свѣчи и со слезами воспѣвалъ надгробныя пѣсни, какъ передавалъ о томъ блаженной памяти о. схи-игуменъ Серафимъ.

Миръ труженическому праху твоему, доблестный подвижникъ-старецъ, инокъ словомъ и дѣломъ, душею и тѣломъ. Серафимскою любовію горѣлъ ты ко Господу. Да водворитъ Онъ, всеблагій, душу твою тамъ, гдѣ непрестанно воспѣвается отъ Серафимовъ пѣснь: Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ; исполнь вся земля славы Твоея! Вѣчная тебѣ память, наставникъ нашъ и молитвенникъ батюшко!

Ярославской Воскресенской церкви
священ. *Алексѣй Братановскій*.